

римых общественных и государственных сил. И писатели, идеологи каждой из борющихся сторон, стремились взять из сокровищницы народно-поэтического творчества то, чем можно было усилить позиции своей группы или класса, или, в крайнем случае, в чем можно было найти утешение и примирение с действительностью.

Муром и Рязань также оказались в орбите этого общественно-политического и литературного движения. Крупнейшее произведение муромско-рязанской литературы, повесть о Петре и Февронии, особенно интересно в этом отношении тем, что его связи с фольклором ни в коем случае не исчерпываются усвоением отдельных фольклорных мотивов, образов, поэтической фразеологии и т. п.: повесть впитала в себя две целостные народно-поэтические композиции. Все своеобразие повести о Петре и Февронии и состоит в выражении в этих эпических формах некоторых сторон русской исторической действительности XV в., с противоречивых позиций современного ей автора. Этот автор не отрешился еще от какой-то доли идеализации уходящей с исторической сцены удельной Руси и в то же время воспринял передовые идеи о княжеской власти, созревшие в период формирования централизованного Русского государства.

Мы не знаем его имени, не знаем и его общественного положения, только по выраженным им идеям и настроениям можно предлагать, что он принадлежал к наиболее демократическим слоям одной из тех социальных групп, которые во второй половине XV века стояли на стороне великого князя московского.

Характер связей повести о Петре и Февронии с фольклором сложен. Раскрытие его требует большой и кропотливой работы, которая, правда, может вознаградиться рядом выводов, имеющих общее значение в вопросах взаимоотношения литературы и фольклора в древней Руси.

Предвосхищая итоги исследования, можно сказать, что раскрытие этих связей во многом обогащает наши представления о самом фольклоре древней Руси, о различных социальных плоскостях его развития. Открывается картина деформации фольклорных жанров под воздействием христианства, приспособления этих жанров к целям христианского культа в народных формах его выражения. Становится очевидным, что писатель древней Руси не всегда непосредственно обращался к исконным фольклорным формам (сказке, песне, былине и проч.), что между ним и народным творчеством роль связующего звена могла исполнять устная или рукописная легенда.

Два основных признака характеризуют легенду древней Руси: во-первых, связь с христианскими религиозными воззрениями в их народном преломлении и, во-вторых, — интерес к рядовому человеку со всей сложностью его душевного мира, как он представлялся народному сознанию, в какой-то мере, — иногда очень поверхностно, — затронутому морально-философской теорией христианства.